

софское подкрепление учения о таинственном (*сюань сюэ*) и концепции «ветра и потока» (*фэн лю*). Ссылки на Конфуция и «совершенномудрых», в годы смут и несправедливого правления удалявшихся в лесные и горные обители, оправдывали умозрительно-фаталистическую концепцию жизни: «Наша жизнь нам не принадлежит», «все видимое — только мертвые следы ушедшего»¹. Разорванность внешнего и внутреннего выражалась непосредственно в пренебрежении служебными обязанностями, принятыми нормами поведения, «миром вещей». Все в поведении, образе жизни должно было подчеркивать безразличие к житейской суете и приверженность идее «странствий за пределами пошлого мира». Внешняя «безопасность» вызывала потребность поиска «внутренней опоры» в самоуглублении, в открытии «собственной уникальной природы», в попытке обнаружить «порядок в беспорядке» в соответствии с концепцией «ветра и потока» (*фэн лю*).

Учение буддизма о внутреннем сосредоточении (*дхьяне*) ради постижения абсолюта, о пути обретения истинной мудрости (учение о *праджне-парамите*), о смысле спасения, заключенном «во внутреннем самообнаружении своей истинной природы, достигаемом в полной отрешенности от внешнего мира»², который пуст, иллюзорен, Позволяли развивать и углублять философско-этическую концепцию индивидуального нравственного самосовершенствования. Учение *Дао-шэна* (355-434) о присутствии Будды во всех живых существах, о возможности спасения каждого человека независимо от его места в иерархии святости и о необходимости внезапного просветления как результата сильного потрясения внесло элементы мистицизма в разработанную ранее технику медитации.

Таким образом, в философско-этических концепциях, в решении социально-политических проблем и в народных религиозных верованиях в эпоху «воюющих Царств» были заложены основы взаимопроникновения конфуцианства, даосизма и буддизма. Последовательное

¹ Там же. С. 192.

² Там же. С. 183.